

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.3
EDN: KFSDHQ

Т.И. ГОРИНА¹, З.Е. ДОРОФЕЕВА^{2,1}, О.Д. НАТСАК³

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 11, каб. 523.

³ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.
667000, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МАТЕРЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ (по данным RLMS–HSE 2004–2023)¹

Аннотация. В статье исследуется субъективное благополучие матерей, воспитывающих детей в полных и неполных семьях, путем анализа уровня удовлетворенности жизнью, материальным положением, работой, оплатой труда, а также уровня тревожности и социального оптимизма. Эмпирической базой статьи послужили данные лонгитюдного обследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE) 2004–2023 гг. В ходе исследования были выявлены значимые различия в субъективном благополучии женщин, состоящих и не состоящих в браке. Женщины из неполных семей по сравнению с женщинами из полных семей демонстрируют более низкий уровень удовлетворенности жизнью. Отмечено, что меньшая степень удовлетворенности работой является групповой характеристикой для женщин, не состоящих в браке. Одинокие матери чаще выражают неудовлетворенность материальным положением, а также более высокий уровень тревожности по поводу возможной потери работы, неспособности содержать себя в течение ближайших 12 месяцев. Доля женщин, относящих свой материальный статус к нижним ступеням социальной лестницы, в 2 раза выше среди женщин из неполных семей по сравнению с теми, кто состоит в браке. Женщины, состоящие в браке, чаще ожидают положительных изменений в своей жизни.

Ключевые слова: неполные семьи; одинокие матери; брачный статус; социальное самочувствие; уровень жизни; субъективное благополучие; социальный оптимизм.

Для цитирования: Горина Т.И., Дорофеева З.Е., Натсак О.Д. Субъективное благополучие матерей из полных и неполных семей (по данным RLMS–HSE 2004–2023 гг.) // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 47–72. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.3 EDN: KFSDHQ

¹ В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

Введение

Целью статьи является сравнительный анализ социального самочувствия матерей, воспитывающих несовершеннолетних детей в условиях неполной семьи и в брачном союзе. Предметом исследования стали субъективное благополучие, социальный оптимизм и уровень тревожности и фрустрации женщин из полных и неполных семей.

Социально-демографическими предпосылками актуализации обозначенных вопросов стал рост семей с неполной структурой в современном мире, в том числе и в России, специфика функционирования которых все более отчетливо определяет факторы социального неравенства и социальной дифференциации. Доля семейных ячеек, состоящих из одиноких родителей (отца или матери) с детьми, выросла с 27,3% в 2010 г. до 31,7% в 2020 г.²

В качестве основной гипотезы исследования выдвигается предположение, что априори стрессовые и травматичные причины формирования неполных семей (рождение ребенка вне брака, развод, смерть одного из супругов), а также характерные для подобных семей особенности, такие как дефицит ресурсов, делают неполную структуру семьи предиктором более низкого уровня субъективного благополучия, социального оптимизма и более высокого уровня тревожности родителей.

В качестве теоретико-методологической основы исследования выделены работы о подходах к структуре и компонентам социального благополучия Д. Канемана, А. Крюгера [32], Т.Б. Кашдана [33], современных российских социологов М.Ф. Черныша, Ю.Б. Епихиной, П.Е. Сушко, В.А. Шиловой, А.С. Лысухо [26], Л.С. Скачковой, О.Я. Герасимовой, Д.Д. Кривошеевой-Медянцевой [25].

Авторы ориентировались на социологические исследования феномена счастья Е.Н. Новоселовой [19], уровня счастья одиноких матерей Дж. Ифчера и Х. Заргами [31]; психологического стресса одиноких матерей С. Хоупа, Ч. Пауэра и Д. Роджерса [30], депрессии, тревоги и стресса у матерей-одиночек с маленькими детьми Л. Ляна, У. Бергера и С. Бранда [36], социальной тревожности Д.Н. Барина [2].

Обзор литературы

Значимая часть российских работ, посвященных изучению брака и семьи, основана на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ³, являющихся уникальным источником информации в том числе для данного направления. Отобранные работы мы разделили на несколько тематических блоков:

² Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.08.2024); Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 29.09.2024).

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS—HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел

- исследование факторов и детерминантов брачного статуса, которому посвящены работы Т.А. Гурко [9; 12], Е.Д. Копновой, Л.А. Родионовой [18];
- анализ влияния структуры семьи и состояния в браке на репродуктивное поведение индивидов и рождаемость, в этом предметном поле работали О.Г. Горелкина [5], Т.Л. Журавлева и Я.А. Гаврилова [14], А.Б. Синельников [23], Т.А. Гурко [11];
- изучение социальных характеристик родителей из семей с разной структурой, в том числе из неполных семей, особенностей родительских практик — данным проблемным направлением занимались Г.Л. Воронин и А.Л. Янак [4, 27], Т.М. Хусяинов, Т.А. Гурко [10];
- исследование проблем бедности семей разных типов, включая семьи, возглавляемые одинокими родителями, — в этом направлении нужно отметить работы М.М. Локшина, К.М. Харрис и Б.М. Попкина [37], Л.С. Ржаницыной [20], С. Кандзи [34], А.В. Филипповой, М.Г. Колосницыной [26], К.Р. Абаноковой, Х.А. Данга, М.М. Локшина [28], В. Малеевой, М. Йоксе и Занаджа [38];
- анализ детской бедности в России, в том числе в семьях с одним родителем — данному вопросу посвящена статья Дж. Клагмана и А. Колева [35];
- семейные факторы благополучия детей рассматривались в работе Т.А. Гурко [8].

Применительно к предмету исследования, представленному в статье, следует отметить, что вопросы влияния структуры семьи и брачного статуса индивидов на их субъективное благополучие прорабатывались в публикациях С.В. Арженовского [1], А.Б. Синельникова [22], Т.А. Гурко [8]. Однако при всем многообразии подходов различия таких показателей, как уровни тревожности и социального оптимизма родителей из полных и неполных семей, пока не были подробно исследованы в научных работах, основанных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Методология

Индикаторами субъективного благополучия являются самооценки респондентов относительно своего положения в социальном пространстве. Как правило, в анализе используется фактор удовлетворенности индивида разными аспектами своего социального положения. Л.С. Скачкова, О.Я. Герасимова, Д.Д. Кривошеева и др. со ссылкой на концепцию Э. Динера считают, что элементами субъективного благополучия выступают положительные и отрицательные состояния (совокупности чувств и настроений, оценка переживаемых ощущений, эмоций в данный момент) и удовлетворенность жизнью [24, с. 4]. Эти авторы разделяют два индекса субъективного благополучия — аффективный, связанный больше с положительными и отрицательными состояниями и феноменом счастья, и когнитивный, основанный на индексе удовлетворенности жизнью [24, с. 6]. На основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2013–2022 гг. этими авторами проведены эмпирические рас-

четы двух индексов субъективного благополучия, в частности, в анализе когнитивного индекса помимо удовлетворенности жизнью были использованы такие субъективные переменные, как удовлетворенность работой, оплатой труда, материальным положением [24, с. 15]. Показатели удовлетворенности в этих сферах рассматриваются как важнейшие структурные компоненты оценки субъективного благополучия. При схожести исходных теоретических посылов и методологических подходов к исследованию субъективного благополучия в работе указанных авторов и представленной статье, все же отличительной особенностью последней являются другие целеполагание и стратегия формирования выборочной совокупности — исследование субъективного благополучия женщин, состоящих и не состоящих в браке и имеющих детей до 18 лет.

Оценку уровня и степени благополучия условий, в которых находится индивид, включают в структуру изучения более широкого явления — социального самочувствия. Так, Г.Л. Воронин, исследовавший социальное самочувствие и социальную стратификацию российского общества на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994–1998 гг., определяет социальное самочувствие как потребность в самосохранении себя как социального существа, члена группы и общества, оценку уровня и степени благополучия непосредственно окружающей его микро-среды [3, с. 59]. В качестве индикаторов, фиксирующих социальное самочувствие, он рассматривает субъективные суждения респондентов по поводу не только текущего положения в различных структурах общества, но и их оценки своего будущего и будущего своих семей, выявляя удовлетворенность жизнью, а также пессимистичные/оптимистичные настроения относительно будущего [3, с. 59]. Ориентируясь на подобный теоретико-методологический подход, дополнительно к индексам удовлетворенности жизнью, работой, оплатой труда, материальным положением мы направили фокус исследовательского внимания на изучение социального оптимизма как части субъективного благополучия путем анализа ожиданий позитивных и негативных перемен в жизни.

При этом социальный оптимизм понимался как позитивное определение важнейших изменений социального бытия индивидов и их групп [6, с. 116].

Социальная тревожность изучалась на примере фиксации респондентами беспокойства относительно возможной потери работы, а также способности содержать свою семью в течение 12 месяцев. Социальную тревожность мы интерпретировали как компонент социального настроения, возникающий в результате реального или потенциального противоречия между объективной необходимостью и возможностями ее реализации. Д.Н. Баринов рассматривает социальные страхи как феномен, возникающий на стыке реализации намерений, потребностей и объективных условий общественного бытия [2, с. 111].

Кроме того, авторами статьи использован показатель субъективного материального благополучия, который формируется на основе самооценок респондентов материального положения по девятиступенчатой шкале, где на нижней, первой ступени стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые. Данный показатель используется российскими авторами в исследовании субъективного измерения бедности и оценки материального положения разных типов семей на основе самооценок домохозяйств [23]; в более широком смысле — в качестве индикатора социального положения, социального самочувствия и инструмента измерения соци-

ального неравенства на основе субъективных оценок респондентов в комбинации с другими вопросами из анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ [17]. Например, Т.С. Карабчук, Т.Р. Пашинова, Н.Э. Соболева признают, что субъективный подход к изучению бедности, когда респондентам предлагается самостоятельно оценить уровень своего материального благосостояния, в большей степени определяет социальное самочувствие населения, чем реальный уровень бедности [17, с. 160]. Теоретическое обоснование использования данного вопроса в изучении социального самочувствия, субъективного благополучия представлено в работе А.А. Зудиной, посвященной анализу траекторий социального самочувствия россиян в 2000–2014 гг. с использованием данных РМЭЗ НИУ ВШЭ [16, с. 8].

Обозначенные вопросы изучались в динамике за 2004–2023 гг., куда вошли 20 волн мониторинга. Выбор нижней границы периода обусловлен включением вопроса о наличии детей до 18 лет у респондента только с 2004 г.

Для корректировки данных массива по индивидам, имеющим детей до 18 лет, было проведено сопоставление переменной о наличии детей до 18 лет с соответствующими переменными для каждого опрошенного в массиве домохозяйств. Дальнейший анализ проводился на основе индивидуального массива. К группе женщин из неполных семей отнесены респонденты, отметившие варианты «никогда в браке не состоял(-а)», «разведен(-а)», «вдова». Все остальные варианты, обозначающие брачные статусы, — «состоите в (зарегистрированном) браке», «официально зарегистрированы, но вместе не проживаете», «живете вместе, но не зарегистрированы» — были использованы как основания для включения в группу полных семей.

Брак — это официально зарегистрированный или незарегистрированный союз между мужчиной и женщиной, заключенный с целью создания семьи, рождения и воспитания детей, а также совместного ведения хозяйства. Супружество — это отношения между мужчиной и женщиной, которые могут состоять в зарегистрированном или незарегистрированном браке, охватывающие все аспекты их совместной жизни и семейной деятельности. В терминологическом значении брачные правоотношения тождественны супружеским правоотношениям или супружеству.

Разделение респондентов на группы «полные семьи» и «неполные семьи» основывается на наличии или отсутствии партнера (мужчины), который может принимать участие в семейной жизни и воспитании детей. Категория «неполные семьи» включает респондентов с брачными статусами: «никогда в браке не состоял(-а)», «разведен(-а)», «вдова». Эти статусы объединяет высокая вероятность отсутствия партнера, способного участвовать в жизни семьи и поддерживать ее финансово. Поэтому женщины из этой группы, как правило, выполняют роль основного опекуна и заботятся о детях самостоятельно. Категория «полные семьи» включает респондентов с брачными статусами: «состоите в (зарегистрированном) браке», «официально зарегистрированы, но вместе не проживаете», «живете вместе, но не зарегистрированы». Важно отметить, что эти статусы не гарантируют, что партнер женщины является биологическим или социальным отцом детей. Тем не менее в рамках исследования они рассматриваются как индикатор вероятного участия мужчины в удовлетворении материальных потребностей семьи и взаимодействии с детьми. Такой подход позволяет выявить ключевую разницу между женщинами, которые занимаются воспитанием детей без участия партнера, и женщинами, у которых есть партнер, вовлеченный в семейную жизнь.

Выделяя две группы женщин в качестве объектов анализа, авторы осознавали их внутреннюю неоднородность, обусловленную различиями в причинах и обстоятельствах формирования текущего брачного статуса, а также в структуре доходов. Генезис неполных семей является разнообразным: внебрачное рождение ребенка, развод, смерть супруга. Эти различия влияют на комбинацию компонентов доходов. Помимо заработной платы женщин, источниками дохода могут выступать: социальные пособия, алименты, пенсии по потере кормильца. В своем анализе авторы опирались не на фиксацию данных, отражающих реальный доход семьи, а на самооценки женщин — субъективное восприятие своего финансового положения, удовлетворенности, благополучия.

В анализ включены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за период 2004–2023 гг., охватывающие женщин, имеющих детей до 18 лет, исследуемый массив включает 30 802 респондента. Доля женщин, воспитывающих детей в неполных семьях, в среднем составила 20%, при этом наблюдается сокращение доли этой группы (табл. 1).

Таблица 1

Доли женщин, воспитывающих детей до 18 лет, в зависимости от брачного статуса, %

| Год | Неполные семьи | | | Полные семьи | | |
|------|-----------------------------|---------------------------------|----------------|------------------------|----------------------------|--------------------------------|
| | Никогда в браке не состояли | Разведены и в браке не состоите | Вдовец (вдова) | Состоят в зарег. браке | Живут вместе, но не зарег. | Оф. зарег., но вместе не живут |
| 2004 | 6,4 | 11,6 | 4,2 | 66,6 | 11,1 | 0,0 |
| 2005 | 6,4 | 13,3 | 3,5 | 65,8 | 11,0 | 0,0 |
| 2006 | 6,2 | 13,1 | 3,9 | 65,1 | 9,9 | 1,7 |
| 2007 | 6,7 | 12,0 | 3,9 | 65,0 | 10,7 | 1,6 |
| 2008 | 7,3 | 12,1 | 3,6 | 67,7 | 7,7 | 1,5 |
| 2009 | 7,4 | 11,2 | 3,5 | 66,9 | 10,7 | 0,3 |
| 2010 | 7,3 | 10,3 | 3,2 | 67,0 | 11,3 | 0,9 |
| 2011 | 7,6 | 11,1 | 2,5 | 66,4 | 11,6 | 0,8 |
| 2012 | 6,9 | 11,1 | 2,6 | 66,0 | 12,6 | 0,9 |
| 2013 | 6,7 | 11,1 | 2,7 | 66,5 | 12,5 | 0,6 |
| 2014 | 6,3 | 10,9 | 2,2 | 67,6 | 12,5 | 0,5 |
| 2015 | 6,6 | 10,0 | 2,7 | 68,3 | 11,7 | 0,7 |
| 2016 | 5,9 | 10,2 | 2,5 | 69,7 | 11,1 | 0,6 |
| 2017 | 6,5 | 9,4 | 2,4 | 69,6 | 11,6 | 0,3 |
| 2018 | 5,9 | 10,0 | 1,7 | 70,2 | 11,5 | 0,6 |
| 2019 | 6,6 | 9,1 | 2,1 | 70,9 | 11,0 | 0,3 |
| 2020 | 6,4 | 8,6 | 2,2 | 71,3 | 11,0 | 0,5 |
| 2021 | 5,2 | 8,5 | 2,6 | 71,5 | 11,7 | 0,5 |
| 2022 | 5,7 | 9,1 | 2,7 | 70,8 | 11,4 | 0,3 |
| 2023 | 6,1 | 8,6 | 2,6 | 71,3 | 10,7 | 0,7 |

Средний возраст женщин, имея тенденцию к росту, в неполных семьях в разные годы составлял 36,5–39,6 года, в полных — 35,4–38,7 года, при этом после 2017 г. нет статистически значимых различий между группами по этому показателю. Значимые различия сохраняются на протяжении всего периода наблюдений в показателе образования — доля женщин с высшим образованием в неполных семьях выросла с 19,4 до 35,2%, в полных — с 24,8 до 45%. Доли женщин, занятых на рынке труда, чуть выше в неполных семьях (в среднем 80,1% по сравнению с 74,3% в полных), однако в последние годы разница перестала быть статистически значимой.

Результаты исследования

Субъективное благополучие женщин в семьях разных типов

У матерей в неполных семьях темпы роста *удовлетворенности жизнью* с 2004 по 2023 г. незначительно выше, чем у матерей в полных семьях — в 2004 г. доля удовлетворенных в первой группе составляла 21,9%, в 2023 г. — 42,6%, во второй группе — 34,1% и 63,6% соответственно (рис. 1). В целом за этот период данный показатель вырос в обеих группах почти в 2 раза. Изменения разрыва между уровнями удовлетворенности жизнью в двух группах носили волнообразный характер, минимальная разница наблюдалась в 2004 г. — в 3,6 процентного пункта (далее — п. п.), максимальная — в 2019 г., когда доля удовлетворенных жизнью матерей в полных семьях на 27 п. п. превышала аналогичную долю в неполных семьях. Таким образом, при тенденции роста в обеих группах удовлетворенность жизнью у женщин в неполных семьях практически во все рассматриваемые годы оставалась ниже, чем у группы женщин, состоящих в супружестве. Это является устойчивой и неизменной характеристикой.

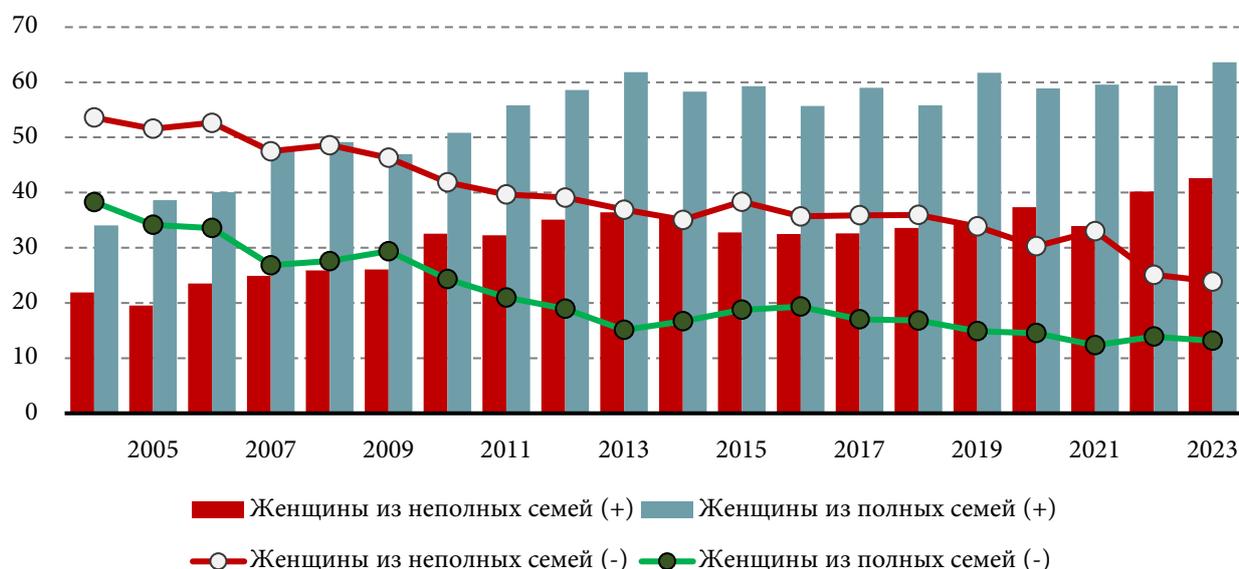


Рис. 1. Динамика удовлетворенности и неудовлетворенности женщин из полных и неполных семей своей жизнью в целом (РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2004–2023 гг.), %⁴

⁴ Здесь и далее на рисунках (за исключением рис. 4): представлены результаты, для которых статистика Хи-квадрат значима на уровне 0,05; знаком (+) обозначена динамика удовлетворенности, включающая ответы «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены»; знаком (-) — динамика неудовлетворенности, включающая ответы «совсем не удовлетворены» и «скорее не удовлетворены».

Различия между полными и неполными семьями особенно заметны по показателю *неудовлетворенности жизнью* — ожидаемо среди матерей из неполных семей неудовлетворенных больше. В 2004 г. 53,6% опрошенных из неполных семей были не удовлетворены своей жизнью, из полных семей — 38,3%. С 2004 г. также устойчивой являлась тенденция снижения доли неудовлетворенных в обеих группах, что свидетельствует о некотором общем улучшении жизни семей с детьми и связанном с ним росте положительных оценок уровня благополучия. По сравнению с данными 2004 г., к 2023 г. более чем в 2 раза сократилась доля неудовлетворенных жизнью женщин с детьми, состоящих и не состоящих в браке, разница между показателями двух групп достигла минимального значения, но более высокие темпы снижения демонстрируют полные семьи. Однако в 2022 г. доля неудовлетворенных жизнью матерей в неполных семьях выросла незначительно (на 1,5 п. п.), а в полных семьях наблюдалось ее заметное снижение — на 7,9 п. п.

Рассмотрим показатели *удовлетворенности работой*, но прежде оценим долю матерей, занятых на рынке труда. Так, в 2023 г. эти доли составляли 79 и 72,8% для матерей из неполных и полных семей соответственно. Этот разрыв был существенно выше в допандемийный период, сократившись почти вдвое в 2020 г., когда женщины были вынуждены массово оставлять свои рабочие места, чтобы осуществлять присмотр за детьми.

Удовлетворенность работой выступает субъективным мерилем степени совпадения статусных и зарплатных ожиданий матерей с их текущим положением на рынке труда. Динамика по годам данного показателя в сравниваемых группах положительная, разрывы не столь значимы, однако так же устойчивы. Меньшая степень удовлетворенности работой является групповой характеристикой для женщин с детьми, не состоящих в браке. В то же время отметим усиливающийся тренд на снижение доли матерей, отрицательно оценивающих свою удовлетворенность работой (рис. 2).

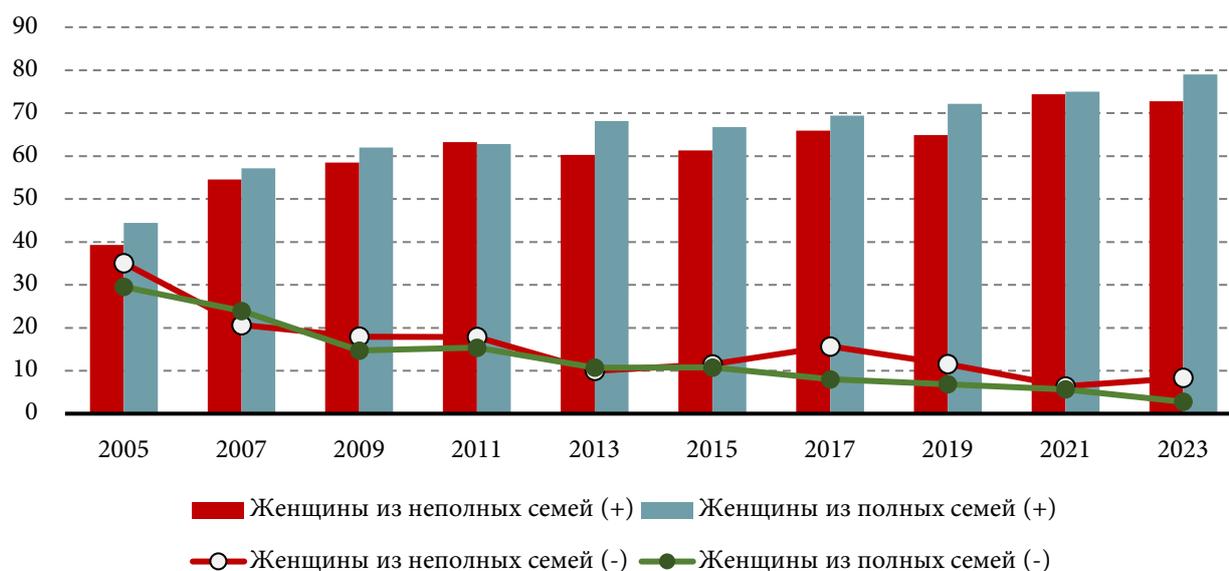


Рис. 2. Динамика удовлетворенности и неудовлетворенности женщин из полных и неполных семей своей работой (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

Перейдем к анализу удовлетворенности материальным положением представительниц исследуемых групп. Неполные семьи, в частности матери, воспитывающие детей в одиночку, в научной литературе показаны как наиболее подверженные риску бедности социальные группы, вследствие отсутствия второго экономического субъекта, приносящего регулярный доход в семью. Удовлетворенность материальным положением является важнейшим субъективным показателем бедности семей с детьми и фактором, детерминирующим характер оценки удовлетворенности жизнью в целом, уровень счастья или, наоборот, фрустрации, состояние ментального здоровья. Материальное положение — сегментирующая характеристика для разных типов семей.

Анализ показал следующее. Во-первых, происходит рост уровня удовлетворенности материальным положением и в той и в другой группе. Темпы роста этого показателя в 2023 г. по сравнению с 2004 г. выше у не состоящих в браке, чем у состоящих (положительная динамика на 8,8 и 7,5 п. п. соответственно) (рис. 3). Во-вторых, доля удовлетворенных материальным положением матерей, состоящих в браке, в целом выше, чем проживающих в неполных семьях. В-третьих, в 2020 г. в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в России были осуществлены единовременные прямые выплаты семьям с детьми с 3 до 16 лет; затем для поддержки семей с детьми до 3 лет вне зависимости от структуры, состава и уровня доходов были реализованы и другие меры, например, увеличены размеры пособий для безработных, имеющих несовершеннолетних детей, что усилило тренд на снижение доли не удовлетворенных материальным положением в неполных семьях. Однако последующее падение уровня удовлетворенности материальным положением в 2021 г. было более заметным в группе матерей, в одиночку воспитывающих детей, что является подтверждением более низкой прочности бюджетов неполных семей.

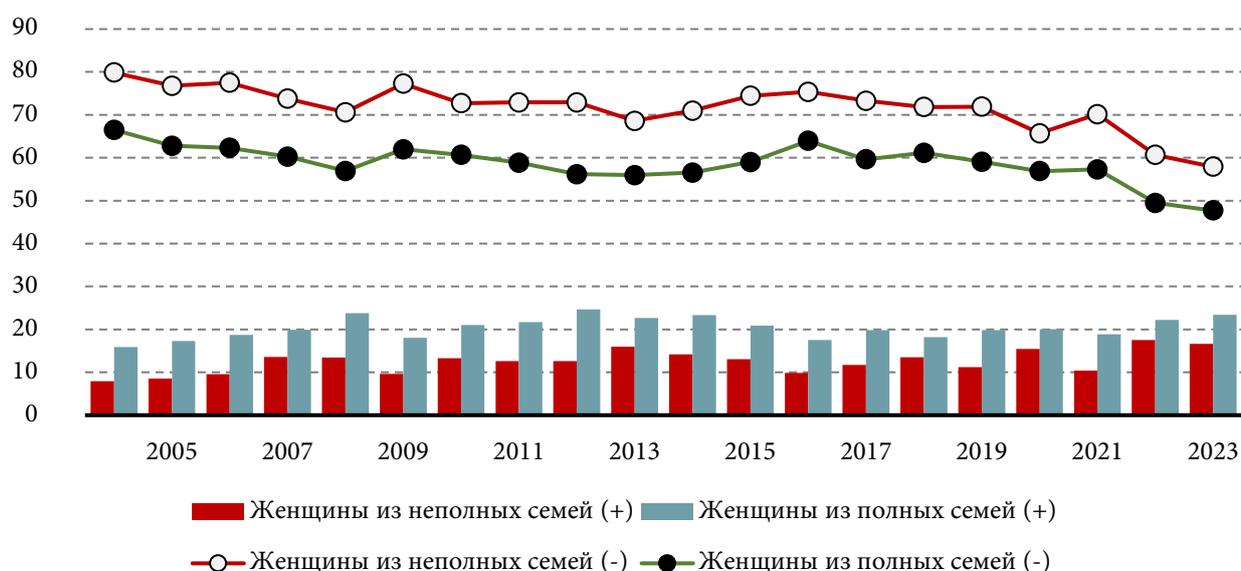


Рис. 3. Динамика удовлетворенности и неудовлетворенности женщин из полных и неполных семей своим материальным положением (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

Темп роста доли матерей, удовлетворенных своим материальным положением, в 2022 г. в неполных семьях был выше, чем в полных. Полагаем, что данный факт связан с эффектом ввода в июле 2021 г. мер социальной поддержки — ежемесячного пособия одиноким родителям с детьми в возрасте от 8 до 16 лет включительно с учетом уровня доходов⁵. Сравнительный анализ показал, что различия в среднедушевых доходах полных и неполных семей с детьми перестают быть статистически значимыми после 2016 г. (рис. 4).

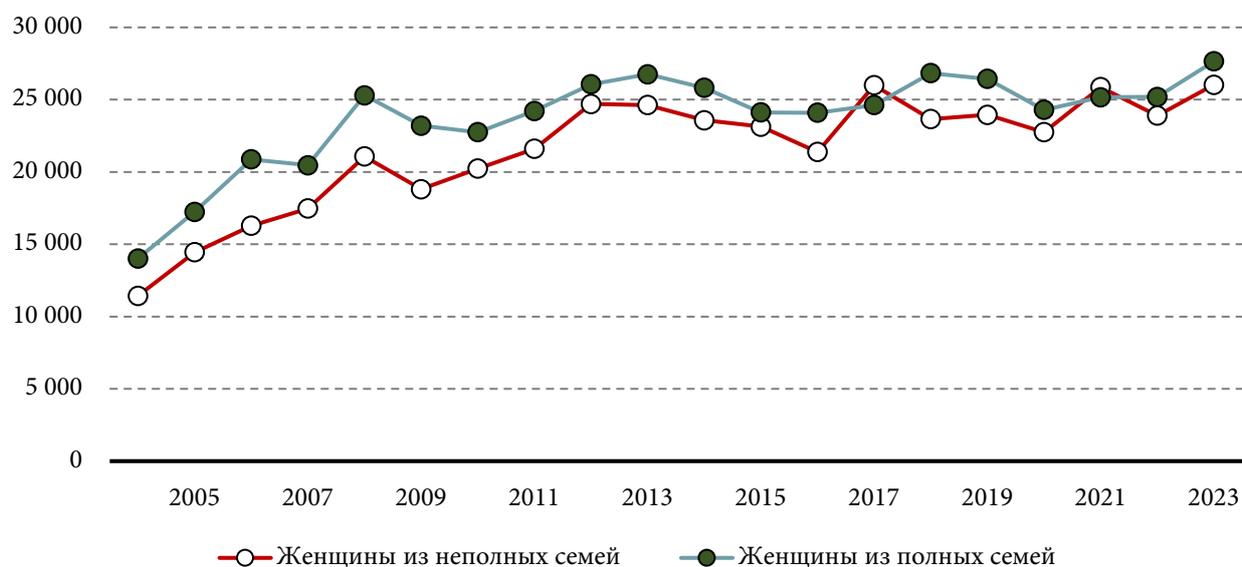


Рис. 4. Среднедушевые доходы полных и неполных семей с детьми в 2004–2023 гг., в рублях, дефлированных к 2023 г.

Мы обнаружили, что тенденции изменений доли не удовлетворенных материальным положением женщин в полных и неполных семьях в 2004–2023 гг. аналогичные — были периоды снижения с интервалом пять и более лет, роста с коротким, в один год, интервалом и более длинным — до четырех лет. Однако если точку отсчета (2004 г.) сравнить с конечной точкой в нашем анализе (2023 г.), то тренд на снижение доли неудовлетворенных очевиден. В последние пять волн мониторинга фиксируется сближение значений показателя и сокращение разрыва в двух группах, что может указывать на определенное улучшение материального положения неполных семей, хотя значимая разница в оценках сохраняется.

С учетом того факта, что в структуре доходов семей, в которых одинокие матери заняты в экономике, роль и значение заработной платы существенны, от ее уровня зависит социальное самочувствие. Удовлетворенность оплатой труда указывает на возможность не только оплачивать базовые расходы семьи, но и соответствовать приемлемому и социально одобряемому уровню жизни. Если для матерей, состоящих в браке, их зарплата представляет часть совокупных доходов семьи, то для женщин из неполных семей она может являться единственным источником дохода. Данный вопрос напрямую связан с самооценкой статуса материального положения.

⁵ Ежемесячное пособие на детей от 8 до 17 лет для семей с невысоким доходом // Социальный фонд России. — URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/8_to_17_years/?ysclid=m00vpt23np749487173 (дата обращения: 17.07.2024).

Доля женщин, видящих себя на нижних ступенях лестницы материального положения, в 2 раза выше в неполных семьях, чем в полных. В динамике распределение показателей самоидентификации с низшими стратами по материальному благополучию (первая и вторая ступени) остаются практически неизменными, однако в 2023 г. мы наблюдаем снижение доли одиноких матерей, относящих себя к низшим доходным группам (рис. 5).

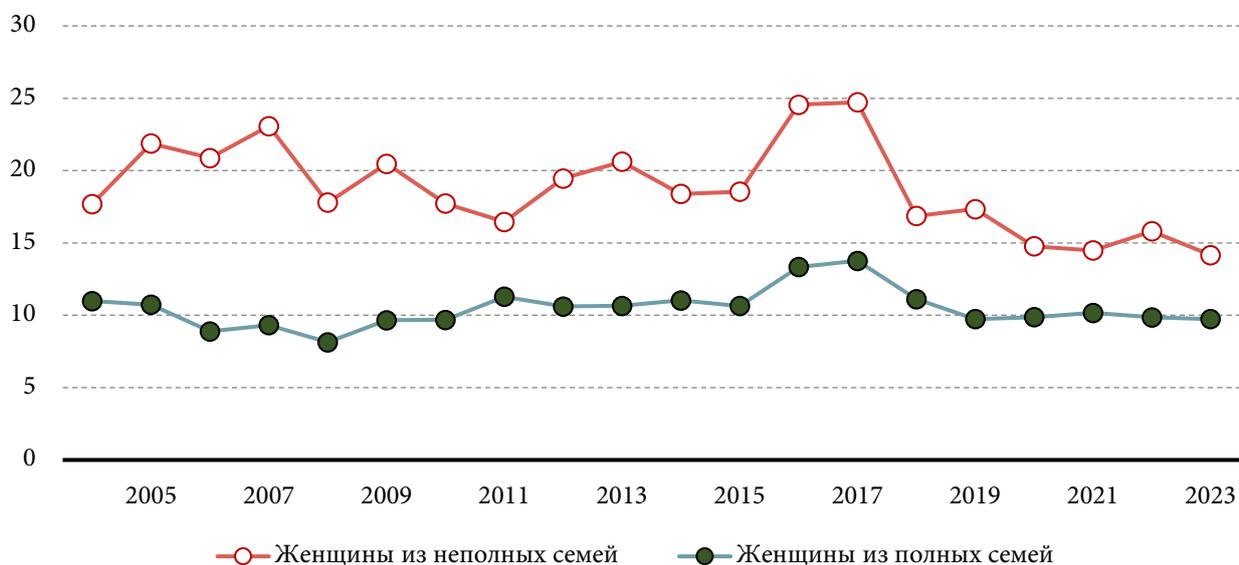


Рис. 5. Динамика суммарной доли женщин из полных и неполных семей, относящих свой материальный статус к 1-й и 2-й ступеням (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

На второй, третьей ступенях (в группах с низкими доходами, которые можно отнести к бедным) существенно больше матерей из неполных семей; начиная с четвертой ступени и до девятой, по мере роста благополучия доля женщин с детьми из полных семей незначительно превышает долю из неполных.

Удовлетворенность оплатой труда чаще выражают матери, имеющие супругов, однако из всех рассмотренных выше показателей мы впервые фиксируем факты, когда женщины с детьми, не имеющие супругов, продемонстрировали одинаковый уровень удовлетворенности (2005 г. — по 18%) или совсем незначительно (не более чем на 0,7 п. п.) превзошли по этому показателю женщин из другой группы (2018 г.); поскольку разница незначительная, данный факт рассматриваем как максимальное сближение значений показателя в двух группах (рис. 6).

Максимальные разрывы в субъективных оценках женщин своей удовлетворенности оплатой труда наблюдались в 2007 и 2022 гг. и составляли 10,8 и 10,9 п. п. соответственно.

Как показано на рис. 6, в 2022 г. удовлетворенность оплатой труда женщин, состоящих в супружеских отношениях, заметно выросла в сравнении с этим показателем в другой группе, аналогичный разрыв наблюдался в 2007 г.

Доля не удовлетворенных оплатой труда в течение рассматриваемого периода снижалась в обеих группах, что свидетельствует об устойчивой тенденции улучшения ситуации в сфере оплаты труда. Во все волны доля неудовлетворенных ожидаемо была выше среди матерей из неполных семей.

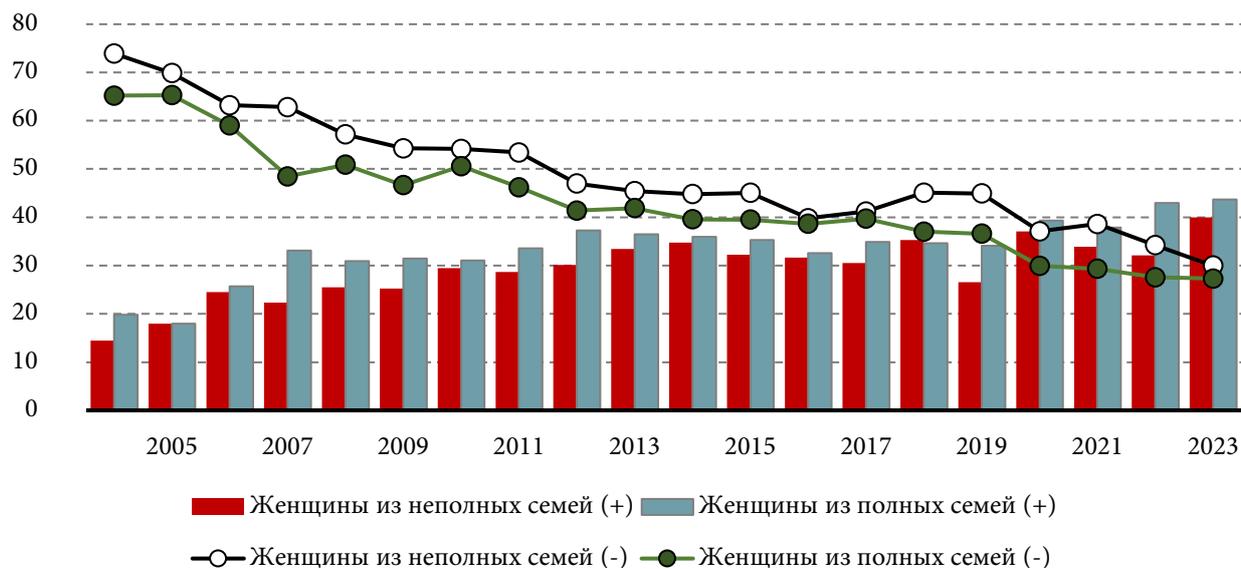


Рис. 6. Динамика удовлетворенности и неудовлетворенности оплатой труда женщин из полных и неполных семей (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

Подтвержденным эмпирическим фактом является то, что женщины из неполных семей имеют более высокие показатели, выражающие материальную неудовлетворенность, и более низкие показатели удовлетворенности. Женщины, состоящие в браке, демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия.

Социальная тревожность

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяют исследовать два важных вопроса, от которых зависит экономическая субъектность и выживание семьи. Эти вопросы связаны с беспокойством респондентов о возможной потере работы и способности содержать семью в течение ближайших 12 месяцев. Возможная потеря работы беспокоит женщин из полных и неполных семей практически одинаково, но все же заметно, что матери, в одиночку воспитывающие детей, выражают чуть больше тревоги (рис. 7). Причины объяснимы — от трудовой активности и заработной платы женщин, возглавляющих неполные семьи, зависит экономическое благополучие детей и семьи в целом. Вместе с тем незначительные различия показателей беспокойства в рассматриваемых группах не позволяют сделать вывод, что тревожность по поводу потенциальной потери работы является специфической характеристикой женщин из неполных семей. Следует заметить, что в 2022 г. уровень беспокойства достиг почти полного совпадения в двух обследуемых категориях. Как тенденцию можно выделить снижение беспокойства по данному вопросу среди женщин из неполных семей и, наоборот, рост тревожных настроений у женщин, состоящих в браке. В 2023 г. впервые за анализируемый период женщины из полных семей проявили бóльшую (на 3,4 п. п.) обеспокоенность по поводу возможной потери работы. Указать обоснованную причину таких изменений сложно.

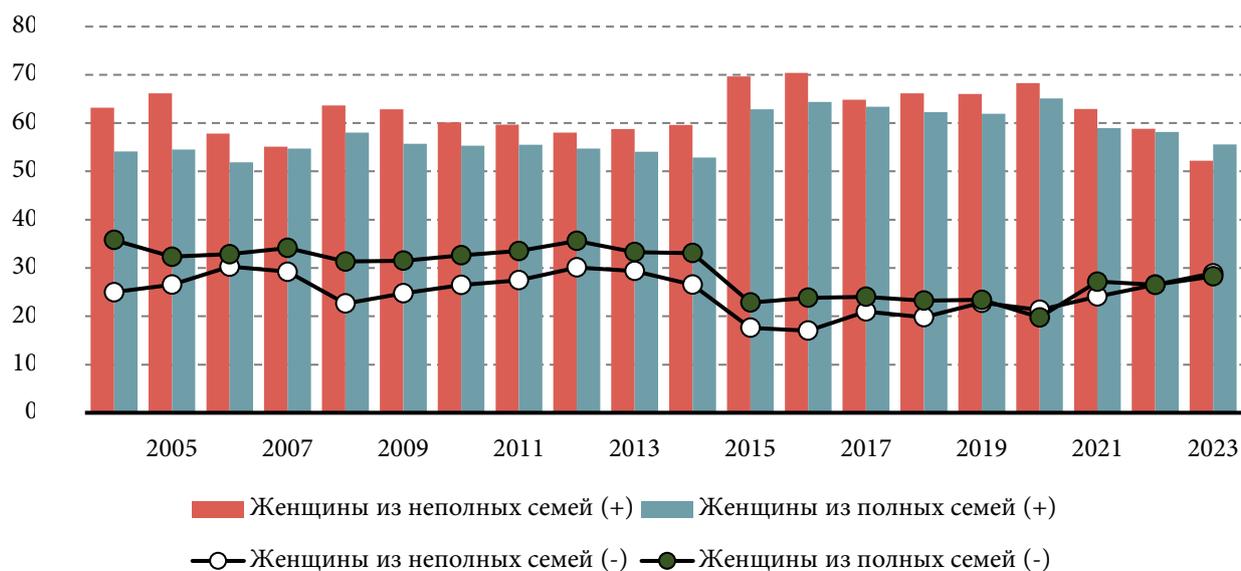


Рис. 7. Динамика доли женщин из полных и неполных семей, которых беспокоит/не беспокоит возможная потеря работы (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %⁶

Также было выявлено, что доля матерей из неполных семей, которые ощущают уверенность в своих трудовых перспективах, за рассматриваемые годы незначительно выросла: в 2004 г. таковых было 25%, в 2023 г. — 28,9%, в то время как среди женщин с детьми, состоящих в браке, напротив, наблюдается снижение такой уверенности — с 35,8% в 2004 г. до 28,3% в 2023 г. Наибольший разрыв фиксировался в 2004 г., когда 35,8% женщин из полных семей и 25% из неполных заявляли, что их не беспокоят перспективы потери работы. К 2022 г. различия между двумя группами становятся минимальными. Данный факт мы расцениваем как признак общего укрепления позиций женщин на рынке труда, трудовой мобильности и роста числа предлагаемых вакансий.

В ответах на вопрос «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?» отмечается также снижение доли обеспокоенных, при этом темпы снижения в неполных семьях выше, чем в полных (рис. 8). Если в 2004 г. 84,5% матерей из неполных семей выражали беспокойство по указанному поводу, то в 2023 г. — 73,6%. В полных семьях доля беспокоящихся снизилась с 76% в 2004 г. до 66,2% в 2023 г. В 2022 г. произошло максимальное сближение показателей сравниваемых групп. Мы приходим к пониманию того, что более 60% женщин с детьми, вне зависимости от брачного статуса, не чувствуют уверенности в своих материальных перспективах, бюджеты домохозяйств имеют низкий запас прочности и не располагают достаточными ресурсами. Ответы на данный вопрос можно интерпретировать более широко — не только как переменные, показывающие наличие или отсутствие беспокойства, но и как элемент самооценки женщинами финансовой «подушки безопасности», а также как показатель предсказуемости, стабильности положения в семье и в стра-

⁶ Здесь и далее на рисунках знаком (+) обозначена динамика доли объединенных ответов «Очень беспокоит» и «Немного беспокоит»; знаком (–) — объединенных ответов «Не очень беспокоит» и «Совсем не беспокоит».

не. Абсолютное большинство респондентов из обеих групп не уверены в своих возможностях обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев; дают низкие оценки ресурсным возможностям своих семей; выражают неуверенность в завтрашнем дне.

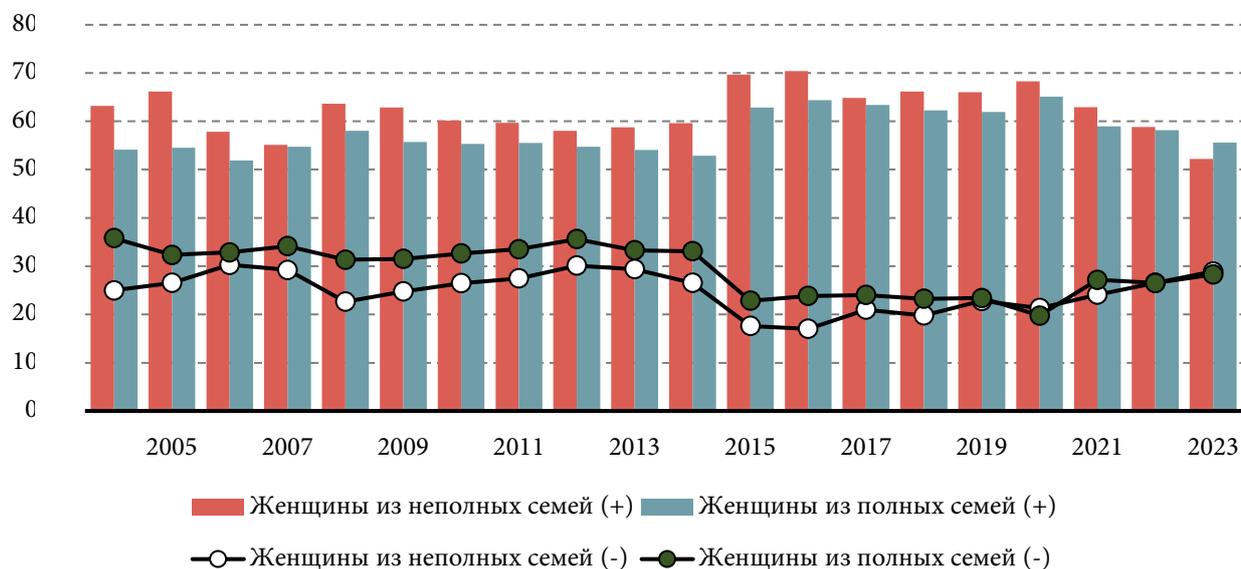


Рис. 8. Динамика долей женщин из полных и неполных семей, обеспокоенных/не обеспокоенных по поводу возможности обеспечить себя в ближайшие 12 месяцев (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

В 2022 г. доля тех, кто испытывает тревогу, выросла среди женщин из полных семей, а в группе неполных семей, наоборот, снизилась. Изменения мы наблюдаем также среди тех, кто не беспокоится о том, сможет ли содержать себя в ближайший год. Другими словами, одинаково тревожно большинству женщин, имеющих детей, вне зависимости от брачного статуса, выравнивание позиций произошло за счет роста числа уверенных среди одиноких матерей и, наоборот, сокращения таковых среди женщин, состоящих в браке. Мы связываем эти изменения с выплатами для одиноких родителей, на которые указывалось выше.

Таким образом, повышенный уровень тревожности по поводу возможной потери работы, которая является источником средств к существованию, а также своей способности содержать себя в течение 12 месяцев свойствен в большей степени матерям из неполных семей. При этом мы видим, что такое положение характерно и для матерей из полных семей. Это говорит о том, что семьи с детьми в целом переживают тревожные времена. Изменения, произошедшие в распределении мнений полных и неполных семей по этому вопросу, демонстрируют эффекты отдельных мер государственной поддержки, которые достаточно быстро отражаются на социальном самочувствии и настроениях целевых групп.

Социальный оптимизм

Что матери ожидают от будущего? Мы задали им вопрос: «Как Вы думаете, через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» Вариант ответа «ничего не изменится» оказался наиболее популярным, а почти пятая часть респондентов затруднились дать прогнозную оценку. Подобное распределение на-

блюдается и в данных за предыдущие годы, что указывает на устойчивость тренда. Ожидают положительных изменений чаще женщины из полных семей, и они же реже прогнозируют негативные перемены. Противоположную картину мы наблюдаем в неполных семьях, для которых характерны более высокие уровни ожидания ухудшений и пессимизма относительно положительных перемен.

Позитивную динамику ожиданий от жизни «через 12 месяцев» за рассматриваемые годы демонстрируют женщины с детьми из полных семей. Достаточно серьезный обвал оптимизма (рекордно низкий уровень положительных ожиданий) у матерей из неполных семей обнаруживается в 2020 г., затем происходит его рост. В 2022 г. показатели оптимизма в обеих группах максимально сблизились за счет снижения позитивных оценок будущего у женщин с детьми, состоящих в браке (рис. 9). Но уже в 2023 г. в полных семьях уровень оптимизма вновь повышается.

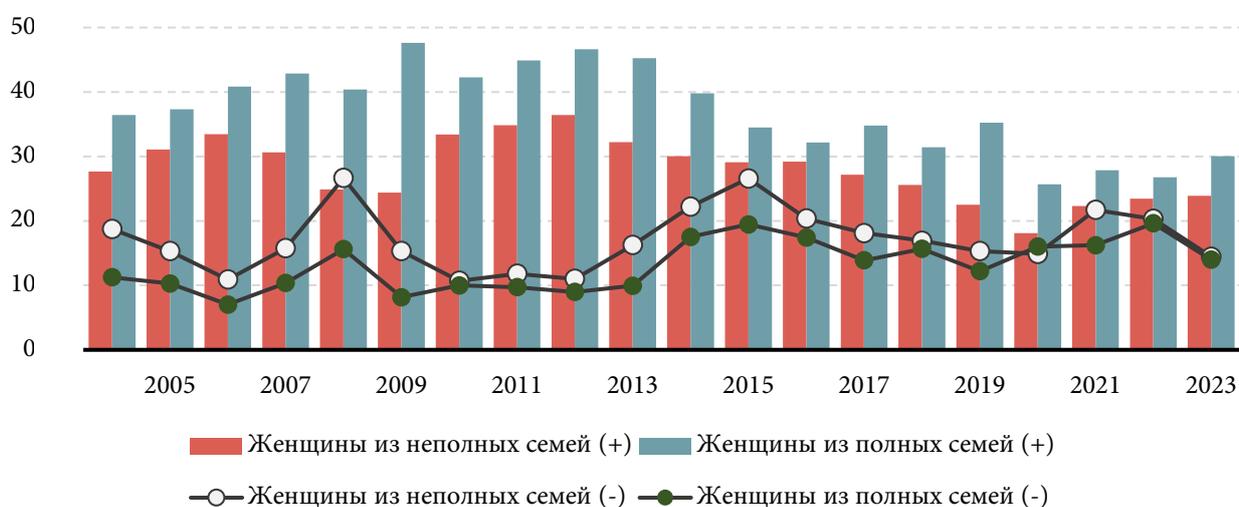


Рис. 9. Динамика представлений женщин из полных и неполных семей о том, будет ли их семья жить лучше или хуже через 12 месяцев (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

Что касается ожиданий ухудшения жизни, то такие настроения более характерны для неполных семей, однако тенденции все же разнонаправленные. По сравнению с 2004 г. в 2022 г. отмечаются уменьшение доли пессимистично настроенных матерей из неполных семей и рост таковой среди женщин с детьми, состоящих в супружеском союзе. (Они начали превосходить матерей из неполных семей по уровню пессимизма с 2020 г.) Более трети респондентов в каждой из исследуемых категорий в 2022 г. не ожидали никаких изменений. Таким образом, по частоте ответ «ничего не изменится» занял первое ранговое место и в той и в другой группе (43,3% в неполных семьях, 39,6% — в полных). На втором месте — ожидания положительных изменений, разрыв незначительный — 0,6 п. п. в пользу матерей, состоящих в браке. Они же чаще говорили о грядущем ухудшении положения (это было в целом наименее популярное мнение).

Выводы и обсуждения

Субъективное благополучие. Показатели социального благополучия, исследуемого на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, различны у разных авторов. Так, Т.А. Гурко при изучении благополучия родителей использовала следующие индикаторы: удовлетворенность жизнью, удовлетворенность материальным положением, самооценка здоровья [9, с. 11].

Г.Л. Воронин, А.Л. Янак в общую оценку социального самочувствия монородителей (которые не сравнивались с родителями других типов) включили два показателя: удовлетворенность жизнью и оценки жизненных перспектив [4, с. 59–60]. С.В. Арженовский также использовал показатель удовлетворенности жизнью [1, с. 84]. Как такового сравнения монородителей и родителей, воспитывающих детей в брачном союзе, не было, так как задачи исследования ставились иные — эконометрическое моделирование. О.Г. Горелкина оценивала благополучие матерей разных брачных статусов также путем анализа удовлетворенности жизнью [5, с. 72].

В нашем исследовании в анализ субъективного благополучия матерей из разных типов семей помимо удовлетворенности жизнью включены показатели, связанные с социально-профессиональной самореализацией и экономическим статусом. Это вопросы, касающиеся удовлетворенности работой, оплатой труда, материальным положением.

Удовлетворенность жизнью является важным маркером социального благополучия, которое измеряется здесь и сейчас. Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ выявил значительные различия по этому показателю между матерями, воспитывающими детей в полных и в неполных семьях. У первых она выше, чем у вторых, что, в принципе, соответствует современным эмпирическим данным из других стран. Полученные результаты совпадают также с выводами российских авторов, которые приведены выше, — *удовлетворенных своей жизнью* женщин больше в полных, чем в неполных, семьях. При этом нами была выявлена тенденция роста доли удовлетворенных в обеих группах.

Удовлетворенность работой у матерей из неполных семей ниже. Полагаем, что ключевые проблемы, с которыми они сталкиваются на работе, связаны с совмещением трудовой занятости с уходом и воспитанием детей, решением всех бытовых вопросов. Платные услуги в сфере ухода и присмотра за детьми, помощи в быту доступны лишь при условии достаточно высоких доходов одиноких родителей. В отсутствие таковых женщины либо опираются на помощь родственников старшего поколения, либо отказываются от более ответственных позиций и соглашаются на менее престижные, хуже оплачиваемые должности.

Женщины из неполных семей менее удовлетворены и своим *материальным положением*. Данный показатель мы связываем с феноменом бедности неполных семей. О.В. Селиванова, Н.Ю. Коробова главной из основных причин бедности неполных семей называют незанятость одинокого родителя [21, с. 147]. Эти авторы также подчеркивают тот факт, что одинокие родители с доходами 1,0–1,5 ПМ⁷ чаще заняты в экономике, чем в малоимущих неполных семьях [21, с. 154]. Выводы

⁷ Прожиточный минимум.

указанных авторов о том, что незанятость — важная причина бедности неполных семей, представляются обоснованными. Однако незанятость после введения пособия для одиноких родителей в 2021 г. перестает быть столь критичной, как ранее.

Причин слабой удовлетворенности материальным положением женщин с детьми в неполных семьях может быть несколько: объективно низкий уровень доходов (что может быть обусловлено более низким уровнем образования по сравнению с матерями из полных семей: доли имеющих высшее образование — 29,2 и 37,6% соответственно), следовательно, они чаще занимают малооплачиваемые позиции; наличие в семье только одного работающего взрослого; хронический дефицит ресурсов, с которым они сталкиваются.

Уровень удовлетворенности оплатой труда выше у женщин, состоящих в браке, а неудовлетворенности — напротив, среди женщин, воспитывающих детей в одиночку. Нами был показан тренд на рост удовлетворенности и снижение неудовлетворенности оплатой труда в обеих группах, что является, на наш взгляд, следствием роста реальных денежных доходов и реальной начисленной заработной платы в стране за последние годы⁸.

Различия в показателях удовлетворенности оплатой труда между исследуемыми группами есть также следствие имеющейся доходной дифференциации. Данные мониторинга демонстрируют существующий разрыв в доходах, что указывает на объективно более низкий уровень оплаты труда у матерей из неполных семей. Женщины из полных и неполных семей могут осознанно выбирать малооплачиваемую работу, так как вклад первых в бюджет семьи может быть не главным, а для вторых, несмотря на дефицит средств, режим работы, например, может быть важнее, чем более высокая оплата труда, поскольку функции воспитания детей и выполнения неоплачиваемого домашнего труда они осуществляют в одиночку.

Полагаем, что основанием неудовлетворенности оплатой труда для женщин из неполных семей выступает не столько ее размер, сколько невозможность в работающей одинокой матери поддерживать уровень жизни, свойственный полным семьям.

Социальная тревожность. По мнению Д.Н. Баринова, такие факторы, как семья, пол, возраст и место жительства, могут и способствовать адаптации к социальной среде, и служить источниками фрустрации и возникновения социальной тревожности [2, с. 111].

Современные исследования показывают бóльшую подверженность одиноких матерей стрессу, депрессиям, тревожности по сравнению с женщинами, воспитывающими детей в браке. Ученые из Германии Л. Лян, У. Бергер и С. Бранд отмечают, что психосоциальные факторы риска возникновения стресса у одиноких матерей соответствуют факторам депрессии и тревоги [36, р. 255]. На основе национального репрезентативного исследования психосоциальной нагрузки данные авторы выявили, что уровень общего стресса в 2 раза превышает аналогичные показатели матерей, состоящих в супружеском союзе, уровень родительского стресса также был повышенным. Через скорректированные регрессионные модели авторы показали, что матери-одиночки в 2 раза чаще сообщают о симптомах депрессии

⁸ Социально-экономические показатели регионов России 2023 // Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 17.08.2024).

или тревоги [36, р. 255]. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ⁹ также подтверждают эти результаты — если в полных семьях отмечали у себя периодическую депрессию 9,1% матерей, то в неполных этот показатель составил 15,7%. Кроме того, женщины из неполных семей чаще заявляли о наличии повышенной нервозности (25,4% против 19,6% у женщин из полных семей), о тревоге, частых приступах паники (16,9 и 14,8%), раздраженности и агрессии (18,1 и 15,5% соответственно).

Исследователи из Великобритании С. Хоуп, К. Пауэр, Б. Роджерс, задавая вопрос, приводят ли финансовые трудности к повышенному психологическому стрессу у матерей-одиночек, пришли к выводу, что к причинным факторам можно отнести действительно негативные последствия финансовых трудностей, незанятости, отсутствия социальной поддержки и бремя ухода за детьми в одиночку у данной категории [30, р. 1657]. К непричинным факторам — стресс, порожденный, например, разводом и разрывом. Эти две группы факторов могут влиять друг на друга, но, учитывая, что среди родителей-одиночек в Великобритании преобладают финансовые трудности, именно они рассматриваются как основной фактор [30, р. 1657].

В рамках нашего исследования, опираясь на данные РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг., мы полагаем, что более низкие показатели удовлетворенности жизнью и ее основными аспектами (материальным положением, работой, оплатой труда) в совокупности дают кумулятивный эффект. Финансовые и материальные трудности следует считать доминирующим фактором, поскольку беспокойство о возможной потере работы и о неспособности обеспечить себя в ближайшие 12 месяцев имеет явно выраженное финансовое измерение.

Потеря работы означает потерю источника дохода, прогнозная невозможность содержать себя является признанием дефицита ресурсов. Тревожность в неполной семье может возникать даже в благополучных материальных условиях, так как понижение социально-профессионального статуса, ухудшение здоровья, потеря трудоспособности единственного родителя фактически обнуляют имеющееся положение, в отличие от полной семьи, где при подобных изменениях у одного из супругов способность содержать семью сохраняется у другого.

Уровень тревожности может нивелироваться под воздействием ситуативных факторов, как, например, регулярные или единовременные выплаты государства, но при отсутствии занятости, которая позволяет поддерживать социальные, профессиональные связи, дает условия для самореализации, психосоциальные факторы стресса и тревожности могут усилиться, государственные выплаты на детей для одиноких родителей — не пожизненные, а привязаны к конкретному возрасту детей. Несмотря на то что у женщин из полных семей также отмечены рост беспокойства в связи с возможной потерей работы и ожидания ухудшения жизни, тревожность более выражена у женщин из семей неполных.

Социальный оптимизм. Социальный оптимизм во многих социологических работах считается составляющей, компонентом счастья [19, с. 47]. Мы сравнили уровень оптимизма матерей из полных и неполных семей.

Оптимизм как индивидуальная и групповая характеристика детерминирован демографическими, социальными, экономическими факторами. Его суть связана с активно-преобразующим началом и проявляется в позитивных оценках индивидом

⁹ Показатели были включены в 28-ю волну РМЭЗ НИУ ВШЭ (2019 г.).

своего будущего, исходя из самооценки социального капитала, экономических ресурсов, статусных позиций, потенциала как достаточных для достижения положительных изменений в будущем. Изучение этого феномена применительно к матерям разного брачного статуса, на наш взгляд, является важным исследовательским направлением, которое выявляет различия не только в социальных настроениях и самочувствии, но и в активно-преобразующем адаптивном потенциале. В связи с тем что матери из неполных семей менее удовлетворены жизнью, материальным положением, работой и уровнем заработной платы, а также чаще испытывают тревожные настроения, было важно рассмотреть, как всё это влияет на их восприятие будущего.

Наше исследование показало, что роль брачного статуса матерей как предиктора оптимизма не столь очевидна. За последние годы фиксируется общая для обеих групп тенденция снижения оптимизма, а также выравнивания показателей пессимизма, резкость различий всё более сглаживается. Мы наблюдаем рост негативных ожиданий у женщин из полных семей. Большинство же женщин из обеих исследуемых групп склонны не ожидать никаких изменений.

Оптимизм является социально-психологическим феноменом, обусловленным возрастом, полом, образованием и материальным положением: уровень оптимизма выше среди молодежи, на него положительно влияют материальная обеспеченность, высокий уровень образования. Оптимизм как ожидание положительных изменений конструируется на основе не только достигнутого социального статуса и имеющихся ресурсов, но и планов и намерений изменить текущее положение к лучшему. Важна также специфика доминирующих моделей реагирования на социально-экономические вызовы, принятых в родительской семье, так называемый контекст детства.

Признавая вышеуказанные факторы, помимо брачного статуса, значимыми предикторами оптимизма, полагаем, что необходим дополнительный анализ корреляции отдельных социально-демографических характеристик с уровнем оптимизма или пессимизма внутри каждой группы матерей, одиноких и состоящих в браке, что может стать предметом следующего этапа исследования.

Заключение

Подытоживая сказанное, следует отметить, что, несмотря на значимое число публикаций по материалам РМЭЗ НИУ ВШЭ по проблемам семьи, в рамках рассматриваемой темы его возможности не до конца раскрыты.

Основная гипотеза исследования в целом подтверждается. Женщины-матери из неполных семей менее благополучны, степень их удовлетворенности жизнью в целом и ее разными аспектами, такими как материальное положение, работа, оплата труда, заметно ниже, чем у женщин, воспитывающих детей в браке. Кроме того, матери из неполных семей более подвержены рискам фрустрации, тревожности, что еще раз подтверждает идею о преимуществах брачного союза для благополучия и социально-психологического здоровья.

Удовлетворенность материальным положением является базовым условием социального благополучия семей с детьми. Социальная работа с неполными семьями должна включать реализацию комплексных программ профессиональной

подготовки, в том числе карьерные консультации, мероприятия, направленные на повышение мотивации одиноких родителей к получению профессионального образования, экономической активности. Мы приходим к выводу, что фактор образования имеет важное значение для неполных семей. Уровень образования во многом детерминирует социально-профессиональный и экономический статусы индивида, чем они выше, тем выше будет в первую очередь уровень удовлетворенности материальным положением. Как показали социально-демографические характеристики исследуемых групп, женщины в неполных семьях, как правило, имеют более низкий уровень образования, чем в полных. Это обстоятельство может оказывать влияние на их трудовые доходы и повышать риск снижения уровня занятости в случае структурных изменений на рынке труда.

Исследуя проблему тревожности среди женщин-матерей с разным семейным положением, приходим к выводу, что необходима фактическая реализация национального стандарта социальных услуг женщинам¹⁰ в части оказания социально-психологических услуг одиноким матерям с несовершеннолетними детьми, женщинам, находящимся в послеразводной ситуации, одиноким беременным женщинам. Важными направлениями являются помощь в создании неформальных социальных сетей поддержки одиноких родителей, стимулирование их мотивации к профессиональной деятельности, поскольку занятость выступает не только источником доходов, но и способом избежать социальной эксклюзии.

В программы социальной помощи женщинам, в одиночку воспитывающим детей, помимо обеспечения занятости и комплексной профессиональной подготовки целесообразно включать недорогие и доступные услуги по уходу и присмотру за детьми за счет повышения существующего размера компенсации родительской платы за содержание детей в дошкольных образовательных организациях; стимулирование перехода дошкольных образовательных организаций в функционирование в режиме полного дня (10,5–12-часового пребывания), продленного дня (13–14-часового пребывания) и круглосуточного пребывания детей при наличии запроса со стороны одиноких родителей, получающих профессиональное и дополнительное образование, а также имеющих ненормированный график работы.

Говоря о различиях в уровнях оптимизма и пессимизма, следует отметить, что данный вопрос требует дополнительного исследования, вместе с тем повышение социальной и экономической субъектности матерей через занятость и снижение доходной дифференциации может положительно повлиять на уровень социального оптимизма родителей с детьми.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горина Татьяна Ивановна — научный сотрудник, Центр исследования социальной структуры и социального расслоения, Институт социологии ФНИСЦ РАН.
Телефон: + 7 (499) 128-91-89. **Электронная почта:** tagor03@mail.ru

¹⁰ ГОСТ Р 52886-2017. Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги женщинам» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200156995?ysclid=m0ukacr0d716143890> (дата обращения: 06.09.2024).

Дорофеева Злата Евгеньевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе Института социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (495) 625-17-93. **Электронный адрес:** zdorofeeva@hse.ru

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, ученый секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. **Телефон:** +7 (39422) 2-39-36. **Электронная почта:** nod695596@gmail.com

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 1. P. 47–72. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.1.3

Research Article

TATJANA I. GORINA¹, ZLATA Y. DOROFEEVA^{2,1}, ORGANA D. NATSAK³

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

² HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

³ Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva.

4, Kochetova str., 667000, Kyzyl, Russian Federation.

SUBJECTIVE WELLBEING OF MOTHERS FROM MARRIED AND SINGLE-PARENT FAMILIES (BASED ON RLMS–HSE DATA FOR 2004–2023)

Abstract. The article examines the subjective wellbeing of married and single mothers by analyzing their level of satisfaction with life, financial situation, work, wages, as well as level of anxiety and social optimism. The empirical basis of the article is built on data from the “Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE” (RLMS–HSE, 2004–2023). During the course of the study, the authors identified significant differences in the subjective wellbeing of married and unmarried women. Women from single-parent families, compared to married women, demonstrate a lower level of life satisfaction, while the differences are especially noticeable in terms of dissatisfaction with life — it is expected that there are more dissatisfied women from single-parent families. It is noted that a lower degree of job satisfaction is a group characteristic for unmarried women. Single mothers are more likely to express dissatisfaction with their financial situation, as well as a higher level of anxiety about possible job loss, inability to support themselves over the next 12 months. The proportion of women who attribute their financial status to the lower rungs of the social ladder is twice as high among women from single-parent families compared to those who are married. Married women show a greater tendency to expect positive changes in their lives.

Keywords: single-parent families; single mothers; marital status; social wellbeing; standard of living; subjective wellbeing; social optimism.

For citation: Gorina, T.I., Dorofeeva, Z.Y., Natsak, O.D. Subjective Wellbeing of Mothers from Married and Single-Parent Families (Based on RLMS–HSE data for 2004–2023). *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 47–72. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.3

Acknowledgment. The article uses the results of projects carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana I. Gorina — Researcher, Center for the Study of Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** + 7 (499) 128-91-89. **Email:** tagor03@mail.ru

Zlata Y. Dorofeeva — Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Center for Longitudinal Studies, Institute of Social Policy, HSE University; Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (495) 772-95-90*12708. **Email:** zdorofeeva@hse.ru

Organa D. Natsak — Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research. **Phone:** +7 (39422) 2-39-36. **Email:** nod695596@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Арженовский С.В.* Эконометрическое моделирование влияния семейного статуса на субъективное благополучие. Часть II // Учет и статистика. 2016. № 1 (41). С. 79–87. EDN: [WTATWH](#)
Arzhenovskii S.V. Econometric Modelling of Marital Status Impact on Subjective Well-being. Part II. *Uchet i statistika*. 2016. No. 1 (41). P. 79–87. (In Russ.)
2. *Баринов Д.Н.* Константы общественного бытия как фактор возникновения социальной тревожности // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2011. № 3 (65). С. 110–119. EDN: [NUAADX](#)
Barinov D.N. Constants of Social Existence as a Factor in the Emergence of Social Anxiety. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2011. No. 3 (65). P. 110–119. (In Russ.)
3. *Воронин Г.Л.* Социальное самочувствие россиян (1994, 1996, 1998 гг.) // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 59–66. EDN: [MPHEFL](#)
Voronin G.L. Social Feeling of Russians [1994–1996–1998]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001. No. 6. P. 59–66. (In Russ.)
4. *Воронин Г.Л., Янак А.Л.* Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одиноких родителей // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 53–66. DOI: [10.21064/WinRS.2018.1.5](#) EDN: [YTBKXJ](#)
Voronin G.L., Yanak A.L. Single-Parent Families: Their Types and Social Portrait of the Lone Parent. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2018. No. 1 (86). P. 53–66. DOI: [10.21064/WinRS.2018.1.5](#) (In Russ.)
5. *Горелкина О.Г.* Микроанализ рождаемости в России: роль неэкономических факторов // Прикладная эконометрика. 2007. № 1. С. 58–74. EDN: [HZNBZD](#)
Gorelkina O.G. Microanalysis of Fertility in Russia: The Role of Non-Economic Factors. *Prikladnaya ekonometrika*. 2007. No. 1. P. 58–74. (In Russ.)
6. *Горбачева Е.И., Губина Н.К., Натробина О.В.* Источники социального оптимизма: опыт межпоколенческого анализа // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 9. № 7. С. 116–139. DOI: [10.12731/2218-7405-2018-7-116-139](#) EDN: [YNHRJZ](#)
7. Gorbacheva E.I., Gubina N.K., Natrobina O.V. Sources of Social Optimism: The Intergenerational Analysis. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*. 2018. Vol. 9. No. 7. P. 116–139. DOI: [10.12731/2218-7405-2018-7-116-139](#) (In Russ.)
8. *Гурко Т.А.* Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 73–94. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5714](#) EDN: [YTPUDU](#)
Gurko T.A. Well-Being of Men and Women of Different Marital Status: Russia in the International Context. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 73–94. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5714](#) (In Russ.)
9. *Гурко Т.А.* Динамика жизнедеятельности и факторы благополучия подростков // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 4. С. 119–132. DOI: [10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137](#) EDN: [WFALLR](#)

- Gurko T.A. The Dynamics of Life Activity and Factors of Teenagers Well-Being. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2023. Vol. 32. No. 4. P. 119–132. DOI: [10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137) (In Russ.)
10. Гурко Т.А. Развитие брачно-семейных отношений в России и реализация семейной политики // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 3. С. 51–71. DOI: [10.19181/snsp.2017.5.3.5355](https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.3.5355) EDN: [ZMQYRF](https://www.edn.ru/entry/201705035355)
Gurko T.A. Development of Marriage and Family Relations in Russia and Implementation of Family Policy. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*. 2017. Vol. 5. No. 3. P. 51–71. DOI: [10.19181/snsp.2017.5.3.5355](https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.3.5355) (In Russ.)
11. Гурко Т.А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 3–14. DOI: [10.21064/WinRS.2022.4.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.1) EDN: [HCXBEH](https://www.edn.ru/entry/20220401)
Gurko T.A. Development of the Parenthood Institution: Analysis of Empirical Indicators. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2022. No. 4. P. 3–14. DOI: [10.21064/WinRS.2022.4.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.1) (In Russ.)
12. Гурко Т.А. Семейные факторы репродуктивного поведения // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 72–82. DOI: [10.31857/S013216250029338-4](https://doi.org/10.31857/S013216250029338-4) EDN: [WGTVDW](https://www.edn.ru/entry/20231201)
13. Gurko T.A. Family Factors of Reproductive Behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 12. P. 72–82. [10.31857/S013216250029338-4](https://doi.org/10.31857/S013216250029338-4) (In Russ.)
14. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110. DOI: [10.7868/S0132162517110113](https://doi.org/10.7868/S0132162517110113) EDN: [ZRQQPZ](https://www.edn.ru/entry/20171101)
Gurko T.A. New Family Forms: Tendencies of Spreading and Concepts. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 11. P. 99–110. DOI: [10.7868/S0132162517110113](https://doi.org/10.7868/S0132162517110113) (In Russ.)
15. Гурко Т.А. Эволюция и трансформация брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58–69. DOI: [10.31857/S013216250014117-1](https://doi.org/10.31857/S013216250014117-1) EDN: [XHOQBC](https://www.edn.ru/entry/20210501)
Gurko T.A. Evolution and Transformation of the Marriage Institution: Analyzing Empirical Indicators. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 5. P. 58–69. DOI: [10.31857/S013216250014117-1](https://doi.org/10.31857/S013216250014117-1) (In Russ.)
16. Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 1. С. 145–182. EDN: [YMIQTF](https://www.edn.ru/entry/20170101)
Zhuravleva T.L., Gavrilova Ya.A. Analysis of Fertility Determinants in Russia: What do RLMS Data Say? *Ekonomicheskii zhurnal VShE*. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 145–182. (In Russ.)
17. Захаров С.В., Чурилова Е.В. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22. № 4. С. 86–117. EDN: [RBWAPJ](https://www.edn.ru/entry/20130401)
Zakharov S.V., Churilova E.V. Single Motherhood in Russia: Statistical and Demographic Analysis of its Prevalence and Formation Patterns. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2013. Vol. 22. No. 4. P. 86–117. (In Russ.)
18. Зудина А.А. Что скрывается за средними самооценками? Анализ траекторий социального самочувствия россиян в 2000–2014 гг.: препринт WP3/2016/05 [Электронный ресурс]. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2016. Дата обращения 17.01.2025. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/thp2y49ira/192427244.pdf>

- Zudina A.A. What Lies Beneath “Average” Level of Subjective Indicators? Trajectories of Self-Evaluations in Russia in 2000–2014: Working Paper WP3/2016/05. Moscow: Publ. House of HSE, 2016. Accessed 17.01.2025. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/thp2y49ira/192427244.pdf> (In Russ.)
19. Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: Что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России: Социология, этнология. 2013. Т. 22. № 1. С. 155–175. EDN: **PVKGDT**
Karabchuk T.S., Pashinova T.R., Soboleva N.E. Household Poverty in Russia: What Do the Data from the Russian Economic Research Institute HSE Say? *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2013. Vol. 22. No. 1. P. 155–175. (In Russ.)
20. Копнова Е.Д., Родионова Л.А., Иванова М.А. Статистический анализ факторов брачного статуса в России с учетом возраста и пола // Демографическое обозрение. 2023. № 4 (10). С. 152–187. DOI: [10.17323/demreview.v10i4.18812](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18812) EDN: **XIBWWG**
Kopnova E.D., Rodionova L.A., Ivanova M.A. Statistical Analysis of Marital Status Factors in Russia, Taking into Account Age and Gender. *Demograficheskoe obozrenie*. 2023. No. 4 (10). P. 152–187. DOI: [10.17323/demreview.v10i4.18812](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18812) (In Russ.)
21. Новоселова Е.Н. Интерпретация феномена счастья в социологии // Социология. 2017. № 2. С. 45–53. EDN: **YXLUGD**
Novoselova E.N. The Interpretation of the Phenomenon of Happiness in Sociology. *Sotsiologiya*. 2017. No. 2. P. 45–53. (In Russ.)
22. Ржаницына Л.С. Алименты на детей как элемент гражданской ответственности // Социологические исследования. 2010. № 7 (315). С. 56–65. EDN: **MSNRHH**
Rzhanitsyna L.S. Alimonies for Children as an Element of Civic Responsibility. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010. No. 7 (315). P. 56–65. (In Russ.)
23. Селиванова О.В., Коробова Н.Ю. Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики // Социально-трудовые отношения. 2024. № 1 (54). С. 147–156. DOI: [10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156) EDN: **PWGIDK**
Selivanova O.V., Korobova N.Yu. Single-Parent Families in Russian Regions: Scale and Socio-Economic Characteristics. *Sotsialno-trudovye otnosheniya*. 2024. No. 1 (54). P. 147–156. DOI: [10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156) (In Russ.)
24. Синельников А.Б. Материальное положение и моральное благополучие российских семей с разным числом детей // Социальное пространство. 2024. Т. 10. № 2. С. 1–16. DOI: [10.15838/sa.2024.2.42.3](https://doi.org/10.15838/sa.2024.2.42.3) EDN: **FSIKWT**
Sinelnikov A.B. The Financial Situation and Moral Well-Being of Russian Families with Different Numbers of Children. *Sotsialnoe prostranstvo*. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 1–16. DOI: [10.15838/sa.2024.2.42.3](https://doi.org/10.15838/sa.2024.2.42.3) (In Russ.)
25. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5715](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715) EDN: **YTPUEV**
Sinelnikov A.B. Family and Marriage: Crisis or Modernization? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 95–113. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5715](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715) (In Russ.)
26. Скачкова Л.С., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцева Д.Д. Индексы субъективного благополучия в оценке уровня счастья россиян // Управленец. 2024. Т. 15. № 5. С. 2–21. DOI: [10.29141/2218-5003-2024-15-5-1](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2024-15-5-1) EDN: **EHXJRI**

- Skachkova L.S., Gerasimova O.Ya., Krivosheeva-Medyantseva D.D. Subjective Well-Being Indices in Assessing Happiness in Russia. *Upravlenets*. 2024. Vol. 15. No. 5. P. 2–21. DOI: [10.29141/2218-5003-2024-15-5-1](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2024-15-5-1) (In Russ.)
27. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирических исследований: информационно-аналитический бюллетень / Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. № 1. — 95 с. DOI: [10.19181/INAB.2020.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1)
- Subjective and Objective Well-Being in Modern Russian Society: Results of Empirical Research: Information and Analytical Bulletin*. Ed. by M.F. Chernysh, Yu.B. Epikhina. Moscow: Federal Research Sociological Center of RAS publ., 2020. No. 1. 94 p. DOI: [10.19181/INAB.2020.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1) (In Russ.)
28. Филиппова А.В., Колосницына М.Г. Оценка влияния детских пособий на бедность семей с детьми на основе многомерной пробит-модели // Прикладная эконометрика. 2018. Т. 52. С. 62–89. EDN: [YPXQRV](https://www.edn.ru/ypxqrv)
- Filippova A.V., Kolosnitsyna M.G. Child Benefits' Impact on Poverty: Multivariate Probit Estimates. *Prikladnaya ekonometrika*. 2018. Vol. 52. P. 62–89. (In Russ.)
29. Хусяинов Т.М., Янак А.Л. Постановка проблемы неполной и избыточной занятости одиноких родителей в контексте баланса семьи и работы (на примере монородительских семей в России) // Социодинамика. 2016. № 1. С. 75–91. DOI: [10.7256/2409-7144.2016.1.17455](https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.1.17455) EDN: [VIDGXD](https://www.edn.ru/vidgxd)
- Khusyainov T.M., Yanak A.L. Statement of the Problem of Incomplete and Excessive Employment of Single Parents in the Context of Family and Work Balance (On the Example of Monogeneous Families in Russia). *Sotsiodinamika*. 2016. No. 1. P. 75–91. DOI: [10.7256/2409-7144.2016.1.17455](https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.1.17455) (In Russ.)
30. Abanokova K.R., Dang H.A., Lokshin M.M. The Important Role of Equivalence Scales: Household Size, Composition and Poverty: Dynamics in Russia. *IZA Discussion Papers*. 2020. No. 13043. Bonn: Institute of Labor Economics (Iza). 51 p. DOI: [10.1596/1813-9450-9270](https://doi.org/10.1596/1813-9450-9270)
31. Cheng-Xi A.E., Sabri M.F. Single Mothers' Subjective Well-Being: Empirical Evidence from Malaysia. *Health Care for Women International*. 2021. Vol. 42. No. 4–6. P. 756–777. DOI: [10.1080/07399332.2020.1744148](https://doi.org/10.1080/07399332.2020.1744148)
32. Hope S., Power Ch., Rodjers D. Does Financial Account for Elevated Psychological Distress in Lone Mothers. *Social Science & Medicine*. 1999. Vol. 49. No. 12. P. 1537–1649. DOI: [10.1016/S0277-9536\(99\)00251-8](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(99)00251-8)
33. Ifcher J., Zarghamee H. Trends in the Happiness of Single Mothers: Evidence from the General Social Survey. *Journal of Happiness Studies*. 2014. Vol. 15. P. 1219–1238. DOI: [10.1007/s10902-013-9472-5](https://doi.org/10.1007/s10902-013-9472-5)
34. Kahneman D., Krueger A. Developments in the Measurement of Subjective Well-Being. *Journal of Economic Perspectives*. 2006. Vol. 20. No. 1. P. 3–24. DOI: [10.1257/089533006776526030](https://doi.org/10.1257/089533006776526030)
35. Kashdan T.B. The Assessment of Subjective Well-Being (Issues Raised by the Oxford Happiness Questionnaire). *Personality and Individual Differences*. 2004. No. 36. P. 1225–1232. DOI: [10.1016/S0191-8869\(03\)00213-7](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(03)00213-7)
36. Kanji S. Labour Force Participation, Regional Location, and Economic Well-Being of Single Mothers in Russia. *Journal of Family and Economic Issues*. 2011. Vol. 32. No. 1. P. 62–72. DOI: [10.1007/s10834-010-9198-z](https://doi.org/10.1007/s10834-010-9198-z)
37. Klugman J., Kolev A. Mobility and Poverty Dynamics among Russian Children. *The Dynamics of Child Poverty in Industrialized Countries*. Ed. by D. Bradbury, S.P. Jenkins,

- J. Micklenright. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 254–280. DOI: [10.1017/CBO9780511522147.011](https://doi.org/10.1017/CBO9780511522147.011)
38. Liang L.A., Berger U., Brand C. Psychological Factors Associated with Symptoms of Depression, Anxiety and Stress Among Single Mothers with Young Children: A Population Based Study. *Journal of Affective Disorders*. 2019. Vol. 242. P. 255–264. DOI: [10.1016/j.jad.2018.08.013](https://doi.org/10.1016/j.jad.2018.08.013)
39. Lokshin M.M., Harris K.M., Popkin B.M. Single Mothers in Russia: Strategies for Coping with Poverty. *World Development*. 2000. Vol. 28. Iss. 12. P. 2183–2198. DOI: [10.1016/S0305-750X\(00\)00070-X](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(00)00070-X)
40. Maleeva V., Joxhe M., Zanaj S. Poverty in Russia: The Role of the Marital Status and Gender. *CREA. Department of Economics and Management Discussion Paper Series 20-16*. Luxembourg: Center for Research in Economic Analysis, University of Luxembourg, 2020. 39 p.
41. Muarifah A., Widyastuti D.A. Fajarwati I. The Effect of Social Support on Single Mothers' Subjective Well-Being and Its Implication for Counseling. *Journal Kajian Bimbingan dan Konseling*. 2019. No. 4. P. 143–149. DOI: [10.17977/um001v4i42019p143](https://doi.org/10.17977/um001v4i42019p143)
42. Richter D., Lemola S. Growing up with a Single Mother and Life Satisfaction in Adulthood: A Test of Mediating and Moderating Factors. *PLoS ONE*. 2017. No. 12 (6): e0179639. P. 1–15. DOI: [10.1371/journal.pone.0179639](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179639)

Статья поступила в редакцию: 23.10.2024; поступила после рецензирования и доработки: 26.01.2025; принята к публикации: 21.02.2025.

Received: 23.10.2024; revised after review: 26.01.2025; accepted for publication: 21.02.2025.